

Пилиавская С.

24/1/88

ЛЕГИОНЕРСКОЕ ЗАПИСЬ
г. Москва

12 7 OKT 1988

ПОСКОВСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ТЕАТР

МХАТ в нашей жизни

«Мы приняли на себя дело, имеющее не простой, частный, а общественный характер... Мы стремимся создать первый разумный, нравственный, общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь».

Эти слова Константина Сергеевича Станиславского, сказанные им летом 1898 года, можно поставить эпиграфом к творческой биографии актеров многих поколений прославленного Московского Художественного академического театра. С первых дней своего существования новый коллектив стал явлением не только культурной жизни России, но и всего мирового искусства. А люди, стоявшие у истоков МХАТа, явились подлинными революционерами театра.

К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко свела и объединила мечта. Оба были одержимы идеей создать театр, в основу которого легли бы совершенно новые этические и эстетические принципы. Была выработана программа работы и положено начало основанию Московского Художественного театра.

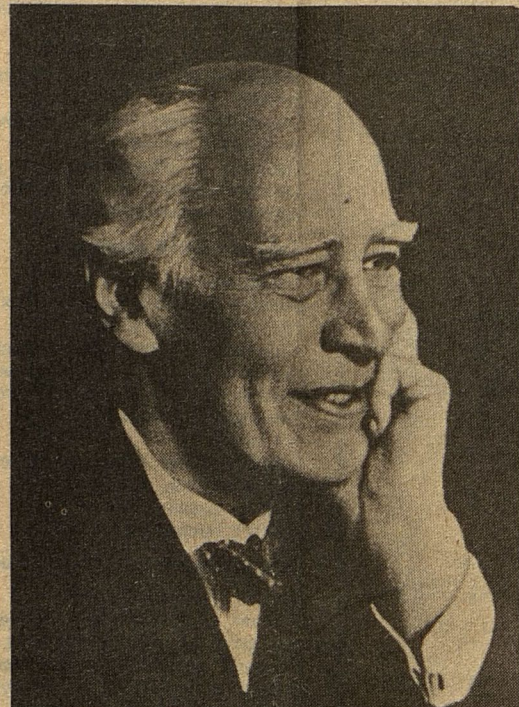
Летом 1898 года в подмосковном поселке Пушкино в небольшом летнем домике начались репетиции. А 14 октября (по старому стилю) того же года театр начал свой первый сезон премьерой трагедии А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

Новый театр многим удивил современников. Он приглашал зрителей к серьезным философским раздумьям, утверждал высокие гуманистические идеалы, по-иному раскрывал сценические образы героев уже привычных пьес. Огромную роль в становлении театра сыграли А. П. Чехов и А. М. Горький. Чеховская белокрылая чайка в память об успехе пьесы Антона Павловича украсила эмблему театра. А Горький — по словам Станиславского — был «главным начинателем и создателем общественно-политической линии в нашем театре».

Что означал Художественный театр для Советской республики, легко понять по такому эпизоду. В. И. Ленин в беседе с А. В. Луначарским сказал: «Если есть театр, который мы должны из прошлого во что бы то ни стало спасти и сохранить — это, конечно, Художественный театр». И в 1920 году решением правительства Художественный театр был включен в число академических.

В истории МХАТа, как и в истории любого творческого коллектива, были разные периоды. Но все девяносто лет МХАТ оставался верен заветам своих основателей, развивал и совершенствовал идеи К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко.

Девяносто лет отделяет нас от зарождения МХАТа. Но можно ли измерять его возраст обычными временными параметрами? Ведь МХАТ всегда молод. Как молодо и ново для нас всякое подлинное искусство.



● Константин Сергеевич СТАНИСЛАВСКИЙ.



● Владимир Иванович НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

ВПЕРВЫЕ я пришла поступать в студию МХАТа в 1927 году. Но, к великому огорчению, меня не зачислили. Задали несколько вопросов, выслушали и вежливо отказали. Я, конечно, разревелась, кляла свой польский акцент, но решила не сдаваться, стала упорно работать.

На следующий год мое желание осуществилось. Я была принята в студию и на полшага приблизилась к заветной мечте — МХАТу Станиславского, которому поклонялась с детства. А уже в 1931 году, после двух экзаменов — сначала у Константина Сергеевича, а затем в театре, я стала актрисой. В нынешнем году — мой пятидесятый восьмой сезон во МХАТе.

Учиться и работать у Станиславского было счастьем. Он был великаном сцены, любил театр, отдавал ему все. В 1928 году, играя роль Вершинина, Станиславский потряс сознание. По всей вероятности, у него случился инфаркт. Только после этого Константин Сергеевич ушел со сцены.

Такого же отношения он требовал от всех. Напрасно многие изображают его благостным. Он мог быть гневным, даже жестоким. Иначе быть не могло. Станиславский тянул за собой в высоту, не делая скидок ни на усталость, ни на плохое самочувствие. Если актер на ногах — обязан выйти на сцену.

На спектакль Константин Сергеевич приезжал за два с половиной часа и тщательно к нему готовился. Он вооб-

Народная артистка РСФСР Софья ПИЛАВСКАЯ



ще был необыкновенно пунктуальным. Если опаздывал к репетиции даже на десять минут, то назавтра на доске объявлений висела бумага: «Прошу извинить за опоздание. Станиславский».

Так же относился к репетиции и Немирович-Данченко. По нему можно было сверять часы. Буквально так: стрелка часов совпадает с делением, и в этот момент открывается дверь в репетиционный зал и входит Владимир Иванович.

Он был как бы мозгом театра. У Немировича-Данченко не было актерских способностей Станиславского, но обмануть его было нельзя. Он имел безукоризненное чутье, безошибочно определял то, что нужно для театра. Это Немирович-Данченко привел во МХАТ Чехова. Он открыл Книппер, Мейерхольда... Жаль, что иногда значение Владимира Ивановича преуменьшается. Без него театр не был бы создан.

Как проходили репетиции? Помню работу над «Мертвыми душами». Впервые тогда увидела Михаила Булгакова, приглашенного для постановки спектакля.

В половине одиннадцатого начиналась «разминка» без Станиславского. В двенадцать он приезжал, и шла уже настоящая работа: под оркестр, с танцами, без малейшей передышки. Мы, кажется, все делали правильно, а из зала неслось резкое, отрывистое: «Не верю! Сначала!».

Репетиция продолжалась несколько часов, близилось время вечернего спектакля, но никто не решался прервать Станиславского. Единственный человек, который не боялся к нему подойти, был машинист сцены Титов. Он говорил Константину Сергеевичу: «Пора ставить декорации».

Думаете, на этом репетиция заканчивалась? Все переносилось в фойе, где работа продолжалась. Затем те, кто участвовал в вечернем спектакле, уходили на грим. И только за полчаса до начала, когда пора было впускать публику, репетиция заканчивалась. Но и тогда Станиславский брал свободных актеров домой в Леонтьевский переулок, где работа длилась до поздней ночи.

Я, например, писала биографию своей героини только для одной-единственной реплики: «Ах, боже мой, Павел Иванович!». А сегодня иной раз слышишь от молодых ак-

теров на репетиции: «Ах, боже мой, у меня уже третий вызов!».

Известно, что Сталин любил МХАТ. На спектакле «Дни Турбиных» он был девять или одиннадцать раз. Часто приезжал смотреть «Горячее сердце». Присутствовал на всех юбилеях театра. Помню один из таких дней.

Перед началом все выстроились на сцене. Подняли занавес, и мы увидели, что полон не только зал, но и правительственная ложа. В ней стояли Каганович, Молотов, Ворошилов... Сталин сидел впереди. Перед ним стояла дочь Светлана с пионерским галстуком. Когда исполнили гимн, Светлана, мне хорошо это было видно, салютует, подняла руку. Сталин шлепнул ее по локтю. Она руку опустила, но затем снова отсалютовала.

В тот вечер чествовали всех, от рабочего сцены до режиссера. Когда произнесли имя Станиславского и он взмог на сцену, поднялся такой рев... У Станиславского была приготовлена речь. Но он волновался, спрятал бумажку и стал говорить без подготовки. В конце речи Константин Сергеевич предложил почтить стоя память тех, кто был у истоков МХАТа. А среди основателей назвал имя миллионера Морозова. И что вы думаете? Все встали, и ложа тоже!

Ни Станиславский, ни Немирович-Данченко никого не боялись. Хотя нет нужды говорить, что время было страшное. Особенно это ста-

ло заметно после убийства Кирова. В правительственную ложу уже никто не смел зайти. Даже мимо ходить было не принято. Единственный, кто имел право заходить в ложу к Сталину и выслушивать его советы, был Немирович-Данченко. Это он спрашивал у «вояды», что везти в Париж на гастроли МХАТа 1937 года.

Оба режиссера спасли десятки людей. Я испытала это на себе. В тридцать седьмом году арестовали моего отца. Его уничтожили через два года, о чем я узнала позже. Что такое быть дочерью «врага народа», объяснять не надо. И если бы не Константин Сергеевич, из меня бы уже давно осина выросла... Он спокойно порвал пришедший донос, а я осталась на свободе.

В этом году — 125 лет со дня рождения и 50 лет со дня кончины Станиславского. Прошло бесконечно много времени. Сменялись поколения, но учение Константина Сергеевича, если его правильно понимать, живо и поныне. Потому что гениальное всегда современно.

Нас — счастливых и знавших великих основателей Художественного театра, учившихся у них, остались единицы. Мы стараемся помнить слова Константина Сергеевича: «Любить искусство в себе, а не себя в искусстве». Но в этот год Станиславского не надо забывать, что рядом были Немирович-Данченко и их ученики — артисты первого поколения Художественного театра.